

НАГЛЯДНЫЕ ОБРАЗЫ КУЛЬТУРЫ КАК ФАКТОР ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

В данной статье образ жизни общества раскрывается в качестве *наглядно-чувственного образа*, формируемого не только процессами самой материальной жизни, но и средствами культуры, пропаганды. Благодаря художественной культуре образ жизни общества предстает в своем выразительно-образительном виде, формируется сокровенный образный мир субъекта. Этот образный мир и некий дизайн окружающей среды формируют не только в силу тематических, но и стилевых своих особенностей определенный строй души живущих, действующих в обществе людей. Наглядно-чувственные образы культуры выступают важным фактором общественной жизни. Они способны быть не только индикатором, но и катализатором общественно-исторических процессов. В центре внимания автора роль наглядных образов культуры, менталитета в советском и современном российском обществе.

Если рассматривать культуру того или иного общества как специфически характерный для него способ деятельности, поведения его членов и объективированный в различных продуктах результат этой деятельности, то здесь необходимо дополнение. Следует включить сюда и определенную модель (модели) мировосприятия, миропереживания субъекта, выражающуюся в совокупности наглядно-чувственных образов индивидуального и коллективного сознания. Творческий потенциал и действительная сила наглядных образов жизненного мира социального субъекта требуют сегодня в означенном ракурсе особого исследовательского внимания. Конечно, не потому, что с нашей точки зрения важнее этого проблем не существует, а потому, что так проблема в философских исследованиях до сих пор специально не ставилась. Тогда как в протяженной череде судьбоносных факторов истории, отечественной главным образом, данный фактор, мы предполагаем, занимает далеко не последнее место.

Во всем обилии вышедших в недавнее советское время теоретических трудов, посвященных категории «образ жизни» (советский, социалистический, буржуазный и т. д.), буквальному пониманию в них образа как облика, лика, выразительно-изобразительной картины жизни общества места не нашлось. И по сей день в исследовательском плане такого подхода к образу жизни не осуществлялось.

В свое время, кстати, в «Философии духа» Гегель неоднократно употреблял понятие «внешний образ жизни»¹. Благодаря способности, задатками которой в большей или меньшей степени обладают фактически все люди, мир может представляться им как пестрый, яркий и объемный образ, наделенный целой гаммой разнообразных черт. Окружающий субъекта внешний мир, представленный в отдельных фрагментарных образах, обретает тенденцию к сочетанию, слиянию в единое образное целое.

На пороге третьего тысячелетия современный западный мир заговорил о «визуальном измерении» ци-

визации и вызываемой этим грядущей «новой чувственности», что, по нашему мнению, открывает в перспективе обширное проблемное поле не только философам и социологам, но и политологам, психологам, историкам и искусствоведам. Пока, однако, о «визуальном измерении» цивилизации как картине мира и локомотиве «новой чувственности» вслед за известным канадским социологом и философом Маршаллом Маклюэном говорится лишь в контексте неуклонного развития массовых коммуникаций². Конечно, в «эру телевидения и видео» это очень актуально, интересно. Однако недостаточно, поскольку мир экрана, видеосистем и эта проблематика не в состоянии вместить в себя полноту как внешнего, так и внутреннего «аудиовизуального» жизненного мира человека даже в самых характерных и типичных проявлениях, тем более если речь пойдет о целом обществе, человечестве на протяжении событийно насыщенной эпохи.

«Образ, – по определению Л.П. Гримака, – субъективный феномен, формирующий в процессе предметно-практической чувственной и мыслительной активности и представляющий собой результат целостного, интегрального отражения окружающей действительности»³. Принимая данное определение как исходное, считаем в то же время важным избежать однозначной локализации образов в сфере сознания, когда «не выходя из пространства... мозга»⁴ они отрываются от реального пространства окружающего нас мира. В непосредственном контакте человека с разнообразием окружающего мира образы предметов и явлений как бы с ними слиты, объемлют и отчасти содержательно «пропитывают» их. Для субъекта такой образ оказывается расположен как в его сознании, так и в физическом пространстве, где на данный момент находится отражаемый объект. Как нам представляется, многочисленные виды человеческой деятельности, например архитектура, основываются именно на этом. И, казалось бы, этого никто не отрицает. Однако вновь и вновь, согласно логике исследований, подразумевается, что образы есть нечто однозначно пре-

¹ Гегель. Сочинения. Т. 3. М., 1956. С. 75, 79.

² McLuhan M. The Gutenberg galaxy. Toronto: University of Toronto Press, 1972; The brain and the media // J. Commun. 1978. № 4; McLuhan: hot and cool // Ed. By Stearn. 1967. № 4.

³ Гримак Л.П. Магия биополя. М.: Республика, 1994. С. 124.

⁴ Там же. С. 125.

бывающее в головах и сердцах людей. Исключением выступают, пожалуй, только образы, воплощенные в произведениях искусства.

Не будем здесь впадать в другую крайность и оспаривать известную формулировку К. Маркса: «...Идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней»⁵. В этом высказывании Марксу важно было подчеркнуть источник идеального, материалистическое понимание его посюсторонности. Конечно, будучи идеальными, образы есть продукт сознания. Но при этом благодаря возможностям сознания и явленности, выразительности самой материи они при контактах субъекта с объективным миром могут существовать как в голове и сердце человека, так и в определенном смысле вокруг него, дистанцированно, на отлете. Так возникают и «имеют место» идеальные «вплетения» в материальное пространство. Отсюда появляется и своего рода пространство идеальное, материальным субстратом которого являются как мозг и вся телесность человека, так и сам предметный мир. Полагаем, данное идеальное пространство помогает и новым образам лучше открываться людям, получать живой обзор в пространстве материальном, «удерживаясь» на своих материальных образах и распространяясь в сферу «чистых» представлений. В этом смысле с определенным допущением уместно говорить об образах, явленных субъекту извне. Иначе нивелируется и сама интериоризация образов внешнего мира как исследовательская и практическая проблема. Что есть проникновение образов окружающего мира в сознание субъекта, если они и так есть элементы сознания? Если между ними и сознанием нет никакой дистанции? Как вообще эти воздействующие извне образы в одних случаях закрепляются во внутреннем мире человека, а в других не вызывают отклика или категорически отторгаются?

Особые отношения внешнего и внутреннего в рассмотрении образа проявляются и в том, что образ есть «бытие выразительное». Это термин А.Ф. Лосева, который отмечал: «Во всяком выражении «внешнее» не есть просто нечто буквально и самостоятельно данное. Оно берется как проявление «внутреннего», т. е. по нему можно судить о «внутреннем», и, стало быть, последнее как-то необходимо содержится во внешнем и отождествляется с ним»⁶. Выразительное бытие «есть всегда синтез двух планов, одного – наиболее внешнего, очевидного и другого – внутреннего, осмысляющего и подразумеваемого... Мы имеем тут нечто, но созерцаем его не просто как такое, а захватываем еще и нечто иное, так что первое оказывается... намеком на второе, выражением его»⁷. Здесь «внешний образ жизни» общества, в какой-то степени выносящий на поверхность последнего информацию о специфике данного жизнеустройства, уже достоин серьезного научного анализа закономерностей

и роли в общественно-политических и социокультурных процессах. Однако сказать, что выразительный характер образа проявляется в том, что при возникновении и развитии его в сочетании с явленной субъекту внешней стороной происходит выражение предполагаемых (или уже известных) внутренних черт объекта, недостаточно. Это отнюдь не исчерпывает всего эйдетического потенциала, стоящего за понятиями «образ» и «образ жизни». В образной выразительности может фигурально обретать свой облик и объект, первоначально обозрению не поддающийся. Наконец, благодаря наглядным образам выражается, воспроизводится и ценностный мир людей, в том числе и целых обществ.

Преобразуясь в разновидности художественного образа, символа, имиджа и. т. п., определенный образ жизни предстает для членов данного общества как средство познания и обустройства общественной жизни, как система ценностей, как средство политической и прочей пропаганды. Поэтому для лучшего понимания событий, действующих лиц той или иной исторической эпохи необходимо постижение данной социальной действительности и социальных ожиданий в ракурсе реализации наглядно-образного их потенциала.

Взаимодействие утверждавшегося в обществе политического строя с самим обликом общества, образами его художественной культуры и духовной среды особенно сильно и наглядно проявилась именно в нашей стране, а также в странах бывшей социалистической системы в советскую эпоху и современный постсоветский период.

Беспрецедентные исторические потрясения, воплотившие собой великую надежду одной части населения и трагедию другой ее части, придали советскому обществу облику, образам формировавшейся материальной и духовной культуры социума особую яркость и остроту. Противоположной по направленности, но отчасти сходный, аналогичный по своей тектонике и драматизму исторический этап переживает наше общество и вместе с ним фактически все экс-соцстраны в настоящее время.

Говоря метафорически, образный мир наступающей эпохи, как некий эйдос, мелос, возникает, подобно космосу, из вихревых потоков мирового хаоса, и роль человеческого творческого фактора здесь необычайно велика. Удержать и развить, одеть в алгоритмы и конкретные образы-облики, в художественные образы эти объективные и интересубъективные импульсы новой жизни, не упустить в дальнейшем уже найденного – вот задача провозвестников и последователей, приверженцев эпохи, при их участии перерастающей в определенный образ жизни. При активном участии художественной культуры, ее крупнейших мастеров формируется внешний и внутренне-сокровенный мир общества.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 21.

⁶ Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Опыты: Лит.-филос. сборник. М., 1990. С. 151-152.

⁷ Там же. С. 147-148.

Грандиозный революционный переворот в общественно-политическом и экономическом жизнеустройстве нашей страны актуализировал в сознании миллионов соотечественников и сочувствующих за рубежом спонтанное стремление в контексте наступающего исторического времени предвосхитить принципиально новый способ социальной жизни в его наглядной панораме, эстетико-пластических и символических формах.

Взаимоотношения идеологического и эстетического могут быть не столь искусственными и дисгармоничными, как это представляется в настоящее время. Некогда советская власть по-своему даже изящно стимулировала творчество тех деятелей культуры и искусства, эстетические пристрастия которых внешне напоминали тональность повествующей о грядущем счастье страны и мира господствующей идеологии. Вдохновенная окрыленность новизной для рода человеческого начавшейся впервые в нашем обществе исторической эпохи и величием ее как простора вековой мечты народной стала исходным пунктом зарождения и содержательно насыщения художественных образов советского искусства. Многим хотелось «сказку сделать былью». И в этом дерзновенном порыве в ходе революционного переустройства общества устремления мастеров искусства и советской власти стали постепенно совпадать.

Важнейшей эстетической, идейной доминантой массового сознания в советском обществе явились живописно-музыкальные образы, причем не только патетического плана. Громогласная поэтика гимнов и ораторий, марши энтузиастов, физкультурников, танкистов не могли лишь в этих бодрых ритмах, плакатном стиле воспитывать советского человека. Как глоток воздуха еще в преддверии новой жизни потребовалась наша советская лирика, способная прихлынуть к сердцу теплой волной, подступить комком к горлу и наполнить нас то светлой грустью, то ослепительной радостью на фоне сыновней благодарности к родной стране.

Императивный смысл сообщения, с нашей точки зрения, нельзя донести до аудитории в совершенно готовом, неизменном виде. А значит, он должен возникнуть у аудитории самостоятельно. Если эмоции, придающие тому или иному сообщению действительность и убедительность, можно только вызвать, то для этого должна быть создана ситуация на уровне предметности, через предметность, пусть хотя бы и воображаемая. Так выявляется потенциал искусства, художественного образа в трансляции императивов на аудиторию. И усвоение художественного образа, сюжета побуждает аудиторию к усвоению императива, стоящего за ними. Причем императивность здесь способна проявляться в виде некой сверхпредметности, сверхдостоверности изображаемого, не обязательно при этом буквально верно отражая действительность, реальную предметность и достоверность. Возможно и такое построение предметности в искусстве, когда интерес аудитории к произведению возникает как раз благодаря фантастичности, сказочности образов и сюжетных линий. Так или иначе, состояние самой действительности и ее интерпретация

в произведениях искусства могут серьезно противоречить друг другу, но при этом аудитория нередко принимает именно точку зрения произведений, находя на основании локальных реальных фактов подтверждение занятой ею позиции. И поскольку художественный образ способен, с одной стороны, выражать сущность больше, чем иная единичность и конкретность, а с другой, будучи относительно самостоятельным в выражении этой сущности, содержать произвольные ее трактовки, постольку в идеологизированном обществе искусство, духовная культура часто могут быть использованы как средство пропаганды. Такая роль предполагает, конечно, и интерпретацию в соответствующем виде идеологических императивов с целью придать им наглядность и привлекательность. Однако советское искусство обрело свою «самость» лишь тогда, когда в его произведениях был, наконец, достигнут эффект непрямого действия. Когда наряду с идейно-политически направленной тематикой (разворачивающейся в сюжете) на многомиллионную аудиторию страны и мира воздействовала и вся остальная составляющая образности в ее оригинальном, самобытном виде. Тематика произведений, эмоциональный их настрой со временем отфокусировали свою фактуру или, если можно так сказать, свою собственную «клеточную структуру» развивающейся в советском искусстве и культуре образности.

Советская эпоха породила свои силуэты, колориты, пластику и формы, изоморфные этому модели чувствования, расширенно воспроизводившиеся импульсы общественного поведения. Возникают почти неуловимые черты, не позволяющие перепутать советскую жизнь ни с какой иной. Очертания и формы, сам характер их подачи, побуждая адекватность содержания, переходят с одних предметов и явлений на другие. И эта среда растет и крепнет не только вокруг человека, но проникая в сознание и подсознание людей, становясь их эстетическим кредо, самобытным жизненным миром. Все это выступает скрытым или явным репрезентантом существующего строя и образа жизни. Советская власть стихийно и сознательно приложила большие усилия по превращению вещественной среды, искусства и самой атмосферы общества в эффективное поле общесоциальной «советизации». Но последняя вовсе не сводима к политике, идеологии, хотя включает таковые в качестве составляющих, содержит ассоциации с ними по смежности. Влияние образов искусства, материальной среды происходит как в тематическом, так и эстетическом, стилевом отношении. Избежать такого рода влияния намного сложнее, нежели лобовой пропаганды и собственно идеологической доктрины. Советская эпоха открыла много нового в сенсорном мире человека. Даже негативно относившиеся к советской власти люди часто попадали под влияние и обаяние последней через искусство и культуру, голограмму жизни в целом. Давая людям стандарты и нормы мироотношения, образный мир культуры не останавливается на этом нормативном уровне, а создает некий код катарсичности в душе членов данного общества. Возникла и окрепла слитая с

внешним окружением в единую многоцветную голограмму образов праздничности, повседневности надежды и мечты картина жизненного мира советских людей. В музыкальном отношении это явило собой своего рода «музыку души», дающую как бы свой камертон всем остальным мелодиям. Итак, эпоха способна порождать свою неповторимую материальную среду и духовную атмосферу, узы которой подчас нельзя порвать, не разорвав собственного сердца.

В противоположность позиции О. Шпенглера⁸, согласно которой всякая эпоха умирает лишь после того, как ее душа осуществляет полную сумму своих возможностей, исчерпывает свой ресурс, мы берем на себя смелость утверждать, что при наличии некоторых неблагоприятных факторов общественная система или даже целая эпоха может преждевременно погибнуть, сойти с мировой сцены, далеко не исчерпав своих жизненных сил. Так, когда официальная власть, не считаясь с изменившейся в стране и мире обстановкой, искусственно затягивает безальтернативность утвердившейся в данном обществе культурной модели, это дискредитирует культуру и общественный строй, подрывает жизненные силы общественной системы и до срока приводит ее к крушению. С другой стороны, если в условиях идеологической борьбы политический режим редуцирует свою пропаганду лишь до уровня вербальных идеологем, то идейный противник получает серьезный шанс одержать победу в противоборстве. Вообще, временная или окончательная утрата обществом, живущим в определенной парадигме политического строя, своей культурной катарсичности, пренебрежение воспроизводством своего собственного «фирменного стиля» является относительно самостоятельным от материальных условий фактором, меняющим судьбу данного общества.

Помимо объективных кризисных процессов (во многом преодолимых), судьбу советского общественного строя последней четверти двадцатого века решило стремление тогдашнего политического руководства сохранить сложившийся культурно-эстетический метастиль, менталитет в качестве монопольной трактовки истины и красоты, заблокировать распространение неформальной (особенно) молодежной культуры. Так, в частности, несомненной и в итоге дорого стоившей советскому социализму политической ошибкой явилась не только известная лобовая атака на «формализм» со стороны официальных структур власти, но и грубая поддержка данными структурами приверженцев «реалистической» позиции в искусстве. Ведь считаться конформистом даже с точки зрения идейно противной стороны, с «голоса» зарубежного вещания, не хотелось никому. Искренняя поддержка в творческих кругах советской художественно-культурной политики дала не сразу заметную отечественной и мировой общественности, но болезненную «трещину». Пафос общественно-го служения художника, писателя, композитора, режиссера постепенно редуцировался сознанием и подсоз-

нанием в службу, социальный заказ в высоком смысле – в ограничивающий творческое волеизъявление субъекта договор с существующей системой власти и управления. Это сбивало человека-творца с «высокой ноты» искреннего вдохновения и окрыленности социальным идеалом. Что не могло не сказаться в произведениях периода «развитого социализма», в недостаточной впечатляющей силе многочисленных художественных образов. Количественные показатели в советской культуре той поры не смогли компенсировать серьезных упущений качества.

Прежняя опора советской власти на глубинный внутренний мир массовой аудитории, весьма успешно реализуемая в нашей стране и других странах социализма, в силу означенных причин уходила в прошлое. Для удержания известной катарсичности, некогда «завораживающей полмира», одного лишь следования определенному культурному алгоритму, найденному ранее метастиллю оказалось недостаточно. Имиджи советского общества, беспрецедентной по масштабу перемен в стране и мире исторической эпохи со временем инволюционировали в обычные стереотипы. Наряду с прежними обществу необходимы были новые вдохновляющие наглядные образы. Утилитарное отношение политиков и идеологов к культуре давало о себе знать. Снижение художественно-эстетического уровня советской культурной среды, образов искусства обнажило заидеологизированность, несоответствие их веяниям времени, меняющимся склонностям и вкусам молодежи. И что в этой связи особенно важно, попытка молодежи заполнить ментальный вакуум продукцией западной молодежной культуры натолкнулись на трактовку данных артефактов как порождений и репрезентантов буржуазного образа жизни. В отличие от «капиталистического мира» Запада, сумевшего обратить молодежную культуру и бунтарский антибуржуазный протест себе на пользу и в коммерческую выгоду, «развитой социализм» в лице тогдашних его руководителей поступил с «точностью до наоборот», вступив в самоубийственную и совсем ненужную политическую конфронтацию с экстравагантным внешним обликом и образами популярной культуры быстротекущего века. Наш отечественный официоз, непосредственно ассоциируя привлекательную для молодежи и некоторой части интеллигенции культуру с идеологией антикоммунизма, оказал последней так или иначе колоссальную помощь, которую во всем ее масштабе на постсоветском пространстве еще предстоит осознать. В дальнейшем данные моменты «мир капитализма» смог осознанно, искусно использовать в идеологической борьбе против «социалистического лагеря». То, что изначально «враждебной буржуазной пропагандой» не являлось, стало ей и действительно заработало на подрыв советского политического и государственного строя. Все это в совокупности с целенаправленным воздействием западной «социологической пропаганды» позволило идеологическим противникам перехватить в

⁸ См.: Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. М., 1993. С. 264 и др.

противоборстве двух мировых систем инициативу, последствия чего известны.

Происшедшее на рубеже восьмидесятых – девяностых годов крушение советской и мировой «коммунистической системы» имеет не только свою образную, ментальную предысторию, но и серьезные в данном плане социальные последствия. Политические силы, пришедшие к власти в России начала девяностых, постарались в разрушении бывшего словно специально превзойти своих предшественников-антагонистов. Обвальное слоение знаков внешнего мира усугубилось сломом критериев внутреннего человеческого мироотношения. Исчезает нечто, насыщавшее жизнь людей с давних пор, разрушаются привычные ее картины.

В позиции нынешних, как и прежних, ниспровергателей несомненно был и остается свой резон, своя интуитивная подоплека. Свержение прежнего политического строя становится скорым и необратимым историческим фактом, если в общественном сознании и подсознании удастся осуществить слом некоего образно-ментального станового хребта общества. Однако ничего общего с демократией этот процесс не имеет и в принципе иметь не может. Нельзя насильственно вести людей к счастью даже из «наследия тоталитарного режима». К тому же, потеряв ментальную основу, люди склонны становиться потенциальной ударной силой гражданских войн, крупных социальных столкновений. Таким образом, будучи следствием нетерпимости взявших власть политических сил к противникам, насильственное слоение распространенных в обществе культурно-эстетических алгоритмов и способов мироощущения провоцирует новый уровень столкновения, общесоциального взрыва.

Несмотря на происходящий слом, в нашем обществе, однако, еще сохраняются духовные, ментальные константы, которые спланивают сограждан сильнее, чем разделяет их принадлежность к противоположным политическим лагерям. И уж если в обществе утверждается принципиально новый строй и образ жизни, то рожденный этим новый алгоритм культуры, способ мироощущения, мировосприятия должен быть способен превзойти старое, но не утратившее доброй памяти народа.

В настоящее время наряду с понятиями «экономическая безопасность России», «продовольственная безопасность страны» необходимо, с точки зрения автора работы, введение в оборот понятия «ментальная безопасность». Оно должно означать отнюдь не «железный занавес» нового строя от какого-либо нежелательного духовного, культурного влияния на наших сограждан, а защиту на государственном уровне жизненного мира членов общества, включая и культурно-эстетические, нравственные ценности предшествующей эпохи, от акций глумления в их адрес. Никому сегодня не должно возбраняться провозглашать те или иные ценности и перспективы как лучшие, приоритетные для общества, но культурный геноцид в России и мире наступившего третьего тысячелетия является совершенно недопустимым. В связи с этим необходимо выработать целый комплекс мер по оптимизации существующего положения, использования катарсического потенциала наглядных образов на изменение, оздоровление состояния менталитета наших сограждан и благодаря соответствующим мерам – влияния на развитие или нейтрализацию происходящих в российском обществе процессов.